

УДК 338.2
ББК 65.013
Г98

Составитель серии
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Научный редактор
ЯКОВ ОХОНЬКО

Дизайн серии
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Гэмбл, Э.

Г98 Кризис без конца? Крах западного процветания / пер. с англ. А. Гуськова; под науч. ред. Я. Охонько; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. — 304 с. — (Экономическая теория). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-1522-8 (в пер.). — ISBN 978-5-7598-1823-6 (e-book).

В этой книге ведущий представитель Новой политической экономики Эндрю Гэмбл показывает, что финансовый кризис 2008 г. не был обычным циклическим кризисом, а свидетельствовал о более глубоком кризисе капитализма. Хотя этот кризис напрямую затронул главным образом западные страны, его последствия сказались и на международной экономике. О масштабе кризиса можно судить по тому, какое длительное время понадобилось для восстановления западных экономик и какие исключительные меры, вроде поддержания близких к нулю процентных ставок, было необходимо использовать. По мнению Гэмбла, для того чтобы сделать возможным устойчивое восстановление и избежать новых и еще более глубоких кризисов, требуется разрешение дилемм западного лидерства, демократии и процветания.

Книга адресована экономистам, финансистам, политологам.

УДК 338.2
ББК 65.013

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики
<<http://id.hse.ru>>

First published in English by Palgrave Macmillan, a division of Macmillan Publishers Limited under the title *Crisis Without End?* by Andrew Gamble. This edition has been translated and published under licence from Palgrave Macmillan. The author has asserted his right to be identified as the author of this Work.

doi:10.17323/978-5-7598-1522-8

ISBN 978-5-7598-1522-8 (в пер.)

ISBN 978-5-7598-1823-6 (e-book)

ISBN 978-0-230-36707-4 (англ.)

© Andrew Gamble 2014

© Перевод на рус. яз. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ И СЛОВА ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ	10
ВСТУПЛЕНИЕ. ЖИЗНЬ В НЕОЛИБЕРАЛЬНОМ МИРЕ	12
ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ	17
I. НОВАЯ СТАГФЛЯЦИЯ	25
ЕСЛИ СУЩЕСТВЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ НЕ ПРОИЗОШЛО	27
ЕСЛИ ИЗМЕНИЛОСЬ НЕЧТО СУЩЕСТВЕННОЕ	34
ЕСЛИ НЕОБХОДИМО ИЗМЕНИТЬ НЕЧТО СУЩЕСТВЕННОЕ	42
II. ЧТО ТАКОЕ КРИЗИС	48
КРИЗИС КАК СОЗИДАТЕЛЬНОЕ РАЗРУШЕНИЕ	54
КРИЗИС КАК СИСТЕМНОЕ УПРАВЛЕНИЕ	57
КРИЗИС КАК УПРАВЛЕНИЕ РИСКАМИ	63
КРИЗИС КАК СМЕНА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ	65
СТРУКТУРНЫЕ ДИЛЕММЫ В ЛИБЕРАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭКОНОМИЯХ	66
КРИЗИС 1930-х ГОДОВ	69
КРИЗИС 1970-х ГОДОВ	71
КРИЗИС 2010-х ГОДОВ	74
III. КРАХ И ВОССТАНОВЛЕНИЕ	78
ФАЗА 1: ОТ КРАХА КРЕДИТНОГО К КРАХУ ФИНАНСОВОМУ	79
ФАЗА 2: СПАД И ПЕРВЫЙ ПОДЪЕМ ЭКОНОМИКИ В 2009–2010 гг.	91

ФАЗА 3: ПОСЛЕДСТВИЯ КРИЗИСА	
ЕВРОЗОНЫ 2011–2012 гг.	97
ФАЗА 4: ВТОРОЕ ВОССТАНОВЛЕНИЕ	
ПОСЛЕ 2013 г.	99
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ	101
IV. ГЛОБАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ	110
ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ МЕЖДУНАРОДНЫЙ	
РЫНОЧНЫЙ ПОРЯДОК	114
ГЕОГРАФИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО	
РЫНОЧНОГО ПОРЯДКА	122
«БОЛЬШАЯ ДВАДЦАТКА»	130
МЕЖДУНАРОДНАЯ ВАЛЮТНАЯ СИСТЕМА	132
МЕЖДУНАРОДНАЯ ТОРГОВЛЯ	137
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	138
V. АДМИНИСТРАТИВНАЯ ГОЛОВОЛОМКА	140
ГЕГЕМОНИЯ	141
МНОГОПОЛЯРНОСТЬ: УПРАВЛЕНИЕ	
БЕЗ ПРАВИТЕЛЬСТВА	150
ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ РАЗРЫВ	162
ВОПРОС ЛИДЕРСТВА США	169
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	179
VI. ГОЛОВОЛОМКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО	
РОСТА	181
ВОСПРОИЗВОДСТВО РАБОЧЕЙ СИЛЫ:	
ДЕМОГРАФИЯ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ	185
ДОЛГИ И ТЕХНОЛОГИИ	192
ИЗМЕНЕНИЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ	201
ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ПРОБЛЕМА ДЕМОКРАТИИ	210

VII. ФИСКАЛЬНАЯ ГОЛОВОЛОМКА	215
ЖЕСТКАЯ ЭКОНОМИЯ	218
НАЛОГОВОЕ ГОСУДАРСТВО	224
ФИСКАЛЬНЫЙ КРИЗИС В США	232
КРИЗИС В ЕВРОЗОНЕ	244
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	252
VIII. ДОРОГИ В БУДУЩЕЕ	253
СЦЕНАРИЙ 1: ПРИМАТ США	257
Геополитика	257
Политическая экономия	260
СЦЕНАРИЙ 2: «БОЛЬШАЯ ДВОЙКА»	264
Геополитика	265
Политическая экономия	268
СЦЕНАРИЙ 3: МНОГОСТОРОННЕЕ УПРАВЛЕНИЕ	271
Геополитика	272
Политическая экономия	275
СЦЕНАРИЙ 4: УПАДОК США	277
Геополитика	277
Политическая экономия	279
ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ВРЕМЯ ТРЕВОГ, ВРЕМЯ ПРОГРЕССА	281
РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА	286
ИСТОЧНИКИ	289

ПРЕДИСЛОВИЕ И СЛОВА ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ

В своей предыдущей книге «Напоминая о неприятных вещах», вышедшей в 2009 г., я предпринял попытку осмыслить финансовый крах, рассматривая его непосредственные последствия. Цель настоящей книги состоит в том, чтобы провести более полный и взвешенный анализ природы пережитого нами катаклизма и сложного положения, в котором мы находимся вот уже пять лет, уделив особое внимание последствиям этого краха и причинам, приведшим к нему. Эта книга далась мне с большим трудом и потребовала много времени.

Многие идеи, рассматриваемые здесь, возникли и получили развитие в ходе работы над другими проектами, в которых меня пригласили принять участие. Я хотел бы выразить особую признательность организаторам различных исследовательских проектов и редакторам сборников научных трудов, в которых мне довелось участвовать в последние годы, в том числе Вивьен Шмидт и Марку Тэтчеру (*Resilient Liberalism in Europe's Political Economy*); Уину Гранту и Грэму Уилсону (*The Consequences of the Global Financial Crisis*); Тони Пейну и Николе Филлипс (*The Handbook of the International Political Economy of Governance*); Майклу Фридену (*The Oxford Handbook of Political Ideologies*); Олафу Грамму, Патрику Даймонду и Майклу Мактернану (*Social Justice in the Global Age; After the Third Way* и *Progressive Politics after the Crash*); Питеру Тейлору-Губи и проекту Британской академии «Новые парадигмы в публичной политике»; Джону Итвеллу, Терри Маккинли, Паскалю Петиту и проекту AUGUR Седьмой рамочной программы ЕС; Амрите Нарликара (*Deadlocks in Multilateral Negotiations*); Марио Тело и участникам проектов «The Garnet and Green» и конференций в Свободном университете Брюсселя. Кроме того, в последние годы мне посчастливилось тесно сотрудничать с журналом *The Political Quarterly*, выпускаемым Шеффилдским институтом политэкономических исследований, в котором я на протяжении 13 лет вплоть до 2012 г. был соредактором вместе с Тони Райтом, а также с Policy Network.

Карим Амиджи оказал неоценимое содействие в проведении исследований на ранних этапах работы, неустанно занимаясь подбором материалов и предлагая идеи. Уильям Бретт сотрудничал со мной в рамках проекта AUGUR, проводя исследова-

тельскую работу. Он написал превосходную статью о подъеме националистических и популистских партий в Европе, которая была включена в окончательный вариант отчета по проекту AUGUR как глава 9. Я также очень признателен за предоставленную мне возможность изложить свою аргументацию в самых различных аудиториях в ходе семинаров, конференций и других мероприятий, проходивших в различных частях света.

Кафедра политики и международных отношений и Королевский колледж в Кембридже на протяжении последних лет поддерживали обстановку, способствующую плодотворному интеллектуальному труду, благодаря чему мне удалось многое перенять у своих коллег, в частности у Хелен Томпсон — вместе с ней мы работали над ее новаторским курсом, посвященным роли политики в мировой экономике. Я многое почерпнул из общения со студентами различных курсов и аспирантами в Кембридже. Мне всегда было интереснее и полезнее преподавать, чем заниматься исследованиями. С трудом представляю себе, как можно вести исследовательскую работу, отказываясь от занятий со студентами, и не в последнюю очередь потому, что, обсуждая с ними свои идеи, я всегда находил стимул для поиска более веских и ясных аргументов, позволяющих взглянуть на вещи иначе. Особую благодарность хотел бы выразить пятерым аспирантам, у которых я был научным руководителем после возвращения в Кембридж: Мишелю Сальваньо, Люку Флетчеру, Хасану Акраму, Тому Баркеру и Кристиану Блуту. Они всегда вдохновляли меня на поиск новых идей и подходов.

Мой издатель, Стивен Кеннеди, был, как всегда, очень терпелив, ожидая, пока я закончу работу над книгой, постоянно поддерживал и подбадривал меня. Наверное, ему иногда приходило в голову, что я мог воспринять название книги слишком буквально и взялся писать труд, которому не будет конца. Строго говоря, подобные книги всегда остаются неоконченными. Критический подход Стивена к моей аргументации позволил значительно улучшить текст. Я также благодарен трем анонимным рецензентам, чьи замечания помогли мне сделать аргументы более точными.

Пока я писал эту книгу, у меня появилось трое внуков. Им я ее и посвящаю.

Эндрю Гэмбл,
Королевский колледж, Кембридж

ВСТУПЛЕНИЕ. ЖИЗНЬ В НЕОЛИБЕРАЛЬНОМ МИРЕ

15 сентября 2008 г. четвертый по величине инвестиционный банк Соединенных Штатов объявил себя банкротом. Это само по себе незначительное событие вызвало катаклизм, и его последствия мы ощущаем до сих пор. Американские власти, которые в начале года предприняли решительные шаги, чтобы упростить продажу другого проблемного инвестиционного банка, Bear Sterns, а летом пошли на не менее решительные меры в поддержку ипотечных агентств Freddie Mac и Fanny Mae, в случае с Lehman Brothers избрали другой путь. Они намеревались послать рынку сигнал, что банкам, какими бы крупными и именитыми они ни были, не следует впредь рассчитывать на то, что их будут спасать. Если их положение окажется неустойчивым, им позволят обанкротиться.

Сторонники консервативной фискальной политики приветствовали это решение так же, как их коллеги приветствовали аналогичное решение почти 80 лет назад. После финансового краха 1929 г. опытный и авторитетный американский промышленник и банкир Эндрю Меллон, который на протяжении многих лет занимал пост министра финансов США и в 1920-х годах во время великого бума американской экономики пошел на снижение налогов, чтобы поддержать предпринимателей и увеличение потребления, настаивал на том, что ответом на кризис должна стать ортодоксальная политика. В служебной записке на имя президента Герберта Гувера он писал, что принципиальной основой работы правительства должна быть «ликвидация рабочих, ликвидация акций, ликвидация фермеров, ликвидация недвижимости... чистка системы от продуктов разложения. Люди будут больше трудиться и вести более нравственный образ жизни» [Hoover, 1952, p. 30]. Гувер последовал этому совету и стал президентом, при котором произошел величайший экономический спад за всю историю капитализма.

В сентябре 2008 г. банкротство Lehman Brothers обещало такой же шторм, но на этот раз власти не устояли. Последствия «чистки системы от продуктов разложения» могли оказаться слишком тяжелыми, и министр финансов США Хэнк Полсон решил на чрезвычайные меры в надежде остановить цеп-

ную реакцию. Как и Меллон, Полсон был ярким республиканцем и ранее банкиром; перед тем как возглавить министерство финансов, он управлял Goldman Sachs. Именно ему пришлось использовать полномочия правительства для спасения финансовых рынков и «хозяев вселенной» — трейдеров, которые были просто не в состоянии спастись самостоятельно. Правительство США и правительства европейских стран спешно формировали пакет скоординированных чрезвычайных мер, направленных на стабилизацию финансовой системы и преодоление кризиса. Были задействованы все доступные политические рычаги. В США и Соединенном Королевстве процентные ставки были снижены почти до нуля — беспрецедентный шаг за всю 300-летнюю историю англо-американских центральных банков. Некоторые банки были национализированы, другим была предоставлена помощь. Было объявлено о введении ощутимых фискальных стимулов; центральные банки увеличили предложение денег, прибегнув к новой алхимической формуле, получившей название «количественное смягчение» (quantitative easing) и призванной не допустить скатывания экономики в дефляцию. QE, как ласково называли эту формулу на рынках, означало, что монетарные власти выкупают у банков финансовые активы, а это влечет за собой рост цен на активы и улучшение банковских балансовых отчетов. В результате значительные средства переключались из государственного сектора в частный.

Такая политика была продиктована насущной необходимостью удержать позиции. Власти были полны решимости добиться стабилизации финансовой системы и предотвратить коллапс. Но им не хватало времени, чтобы задуматься над долгосрочными последствиями того, что они делали. Они действовали, не собираясь коренным образом менять саму систему. Им хотелось как можно скорее вернуть ее в состояние, в котором она находилась до финансового краха. Они не собирались делать из этой спасательной операции прелюдию нового политического курса, и еще в меньшей степени в их намерения входил отказ от исходных положений, длительное время определявших политику, или пересмотр неолиберального порядка. Комплекс спасательных мер рассматривался в первую очередь как средство тушения пожара, к которому прибегли в чрезвычайной ситуации и которое станет ненужным сразу после того, как удастся преодолеть опасный момент.

После финансового кризиса все ведущие западные страны столкнулись в 2009 г. с самым жестким со времен Второй мировой войны экономическим спадом. В некоторых из них выпуск упал на 9%. Значительно ослабла уверенность, а рынок был подвержен серьезным колебаниям при небольшом объеме торговых операций. Правительства пытались преодолеть последствия кризиса, поэтому преобладала политика жесткой экономии и сокращения расходов. Для возврата к докризисному уровню производства многим западным экономикам потребовалось пять лет, а страны, пострадавшие от кризиса сильнее всего, например Греция, так и не сумели этого сделать. Такая ситуация в западных странах не вписывалась в рамки опыта последних 60 лет, когда даже рецессии 1970-х годов продолжались сравнительно недолго. Обычно вслед за стремительным падением объемов производства и численности занятых следовал непродолжительный период адаптации, после которого начиналось восстановление экономики с достаточно быстрым возвратом тенденции к росту. Официальным признаком рецессии считалось падение производства в течение двух кварталов подряд. Подобные рецессии воспринимались как неприятность и с легкостью преодолевались. В недавнем прошлом большинство рецессий были именно такими — неглубокими и непродолжительными, а траектория восстановления имела V-образную форму.

На этот раз все оказалось иначе. Многие чрезвычайные меры экономической политики, направленные на выход из финансового кризиса, продолжали действовать и пять лет спустя. Процентные ставки оставались на исторически низком уровне, многие банки все еще нуждались в помощи, а некоторые центральные банки прибегали к количественному смягчению уже в третий или четвертый раз. Нарастали опасения относительно длительной стагнации — новой формы стагфляции, при которой дефляция становится еще более опасной, чем инфляция.

Мы все еще не оправились от последствий финансового краха 2008 г. и предшествовавшего ему кредитного кризиса. Новые проблемы и заботы, требующие внимания, могли стереть в нашей политической памяти события той осени, но их воздействие имеет длительный характер, а последствия все еще продолжают сказываться. Для западных экономик непосредственно сам кризис 2008 г. завершился, и в 2013 г. в ряде стран наконец по-

явились многие признаки более устойчивого восстановления. Тем не менее особой уверенности в прочности основ этого восстановления нет. До сих пор не видно конца более глубокому кризису неolibерального порядка, ярким знаменем которого стал крах 2008 г. Мы являемся свидетелями лишь ранней стадии этого кризиса.

Мы живем в неolibеральном мире, возникшем после последних великих экономических и политических потрясений 1970-х годов. Тогда был положен конец эпохе фиксированных обменных курсов, контроля над движением капитала, государства всеобщего благосостояния, сильных профсоюзов, полной занятости и крупного независимого государственного сектора, сложившегося во многих странах после 1945 г. Этот неolibеральный порядок был установлен с введением нового международного монетарного режима для контроля над инфляцией, основу которого составили плавающий обменный курс, отмена контроля над движением капитала, отказ от всеобщей занятости как политической цели, введение новых правил ограничения инфляции и государственных расходов, а также гибкие рынки труда. Все это сопровождалось разговорами о снижении роли государства и освобождении рынка. Но неolibеральный порядок всегда представлял собой парадокс. О прямом откате или отступлении государства речи не шло. Зато произошло более глубокое, чем когда-либо прежде, взаимное проникновение государства и экономики. Приватизация, маркетизация, дерегулирование, низкий подоходный налог и налог на прибыль организаций — это были фирменные знаки неolibеральной политики, которую проводило государство, всё более активно вмешивавшееся во все сферы жизни. При этом оно оказывало избирательную поддержку частному сектору — от предоставления субстандартной ипотеки до оборонных расходов и инвестиций в человеческий капитал — и создавало множество компаний, находившихся в зависимости от государственных контрактов и субсидий. «Умные государства» эпохи неolibерализма возникли в ответ на ускоряющуюся глобализацию, особенно после падения коммунистического строя в Восточной Европе и появления новых растущих экономик на Востоке. Эти государства и положили начало новому экономическому буму в англо-американских странах, который затем распространился на экономику всего Запада.

В этом неолиберальном порядке единообразия было не больше, чем в предшествовавшем ему международном рыночном порядке, установленном решениями конференции в Бреттон-Вудсе. Каждая страна приспособлялась к новому международному порядку по-своему, при этом сохранялись заметные различия в действующих институтах и политике. В полной мере силу неолиберальной революции прочувствовали жители англоязычных стран, особенно двух главных из них — Соединенных Штатов и Соединенного Королевства. В этих странах значительно расширился спектр финансовых услуг и возросла потребительская задолженность; произошла также коренная реорганизация государственного сектора и государственных услуг, где были широко внедрены рыночные отношения; наблюдались ощутимое усиление зависимости от системы социального обеспечения, рост безработицы и резкое увеличение неравенства.

Рассказ-предостережение о нашем новом неолиберальном времени содержится в книге Фердинанда Маунта «Новые немногие». В ней говорится о владельце американской ипотечной компании под названием Household, которая в 2003 г. была приобретена одним из пяти крупнейших британских банков — банком HSBC. Вознаграждение, полученное руководителем компании за три года, составило 35 миллионов фунтов стерлингов; в дополнение к этому были предусмотрены различные льготы, включая личный реактивный самолет и пожизненные бесплатные услуги стоматолога для самого руководителя и его супруги. На ежегодном собрании акционеров генеральному директору HSBC сэру Джону Бонду был задан вопрос, чем он объясняет столь значительное отличие получаемого им вознаграждения от почасовой оплаты труда уборщика Абдула, составлявшей 5 фунтов стерлингов. Сэр Джон, зарабатывавший в 400 раз больше, чем Абдул, объяснил, что и в том и в другом случае банк платит за работу ровно столько, сколько принято платить за нее. Во время финансового краха Household разорилась, а HSBC понес убытки в размере 50 миллиардов долларов [Mount, 2013].

Уровень неравенства, снизившийся на какое-то время в 1950–1960-х годах, вернулся к показателям 80-летней давности, а если действующая тенденция продолжится, то он вернется и к показателям полуторавековой давности. Неолиберальный порядок привел не только к значительному увеличению социального не-

равенства в различных странах, но и к не менее значительному росту нестабильности мировой экономики, сопровождавшемуся огромными неконтролируемыми потоками капитала, серьезным нарушением баланса сил во всем мире, а также ростом частных и государственных долгов [Hutton, 2011].

В 2008 г. казалось, что неолиберальный порядок смертельно ранен и готов — вслед за банками, одним из главных своих оплотов, — рухнуть: настолько сильным было общественное негодование. Но этот порядок выжил и спустя пять лет выглядел вполне невредимым и готовящимся к очередному повороту судьбы, как будто ничего и не произошло. Банкиры все так же получают бонусы, неравенство все так же очевидно. Непоколетимым остается верховенство все тех же созвездий бизнеса и политической власти, бесконечно повторяются те же идеологические мантры. Почему неолиберальный порядок оказался столь жизнестойким? На сколько еще хватит ему этой жизнестойкости? Может быть, благодаря кризису, когда оказываются спорными его эффективность, устойчивость и легитимность, у него проявилась способность к самообновлению? Этим вопросам и посвящена настоящая книга.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

В главе I я показываю, что глубину экономического спада 2009 г. и медленный выход из него можно объяснить тремя способами. Первое объяснение состоит в том, что это был просто *импульс*, пусть продолжительный, но все же импульс, единичный эпизод, вызванный единственным в своем роде финансовым крахом, но не предвещавший ничего, что было бы значимым в долгосрочной перспективе. Это было явление скорее циклического, чем структурного порядка. Вскоре все, включая экономический рост и уровень жизни, должно вернуться к нормальному состоянию в международном порядке, где Соединенные Штаты продолжают оставаться ведущей державой. Существенных изменений не произошло, и в них нет необходимости. Достаточно будет сгладить острые углы. Второе объяснение заключается в том, что мы прошли своего рода *водораздел* и теперь находимся на начальном этапе постепенных политических и экономических преобразований, которые приведут к перестройке мировой экономики и политики в ближайшие 20 лет. Неолиберальный

порядок распался, и восстановить его в прежнем виде невозможно. Признаками таких преобразований являются новая волна стагфляции, усиление новых быстрорастущих экономик, возросшее значение «Большой двадцатки», под эгидой которой теперь осуществляется координация финансового регулирования, а также изменения общественных настроений в ряде стран. Можно ожидать, что эти перемены повлекут за собой новые изменения, в результате которых постепенно будет сформирован новый порядок. Третье объяснение, которое я считаю наиболее правдоподобным, состоит в том, что мы оказались в *безвыходном положении*. На самом деле существенные изменения произошли, но благодаря тому, что непосредственно сам кризис удалось сдержать, многие сопутствующие ему экономические, политические и идеологические вызовы утратили свою взрывоопасность. Это позволило противостоять требованиям более решительных перемен и составить план возврата к обычному порядку ведения дел. Причины и корни такой стойкости неолиберального порядка я нахожу в основных характерных чертах нашей политической экономии. Однако нынешнее затишье обманчиво. Кризис не окончен, потому что он носит структурный, а не циклический характер. Он отступил на какое-то время, но если не предпринять никаких мер, разразится с новой силой. Неолиберальный порядок стал крайне нестабильным, а попытки вернуться к обычной манере ведения дел приведут либо к новым провалам, либо к тому, что тупиковые и безвыходные ситуации сохранятся навсегда. Без перемен процветание Запада начнет рушиться. Кризис возобновится и будет сопровождаться отдельными шоками и глубокими потрясениями, но никакого решающего поворотного момента не наступит. Структурный кризис такого рода может длиться десятки лет, так и не находя решения. Если это произойдет, то вылечить западную экономику не удастся, и можно будет ожидать новых турбулентных явлений. Это будет кризис без конца.

В главе II я рассматриваю связь между кризисом, порядком и изменениями, а также ищу объяснение жизнестойкости неолиберального порядка. Я провожу различие между двумя видами кризиса. Кризис 2008 г. был *экзистенциальным* кризисом, порожденным чрезвычайной ситуацией, моментом опасности, когда требовались быстрые решения и решительные действия. Но в то же время он был симптомом значительно более глубо-

кого, *структурного* кризиса. Для таких кризисов характерно наличие длительных напряженных отношений или противоречий между основными институтами и организационными предпосылками, из которых состоит тот или иной порядок. Эти напряженные отношения зачастую выражаются в преходящих непродолжительных кризисах, но для решения лежащих в их основе проблем обычно требуется радикальное изменение властных отношений — как внутри государств, так и между ними, — а такое происходит редко. Я утверждаю, что финансовый крах 2008 г. и его последствия, спад и восстановление экономики, представляют собой первую фазу нового структурного кризиса, который будет третьим после кризисов 1930-х и 1970-х годов структурным кризисом существующего международного рыночного порядка. Такие структурные кризисы создают возможность коренных изменений в нашей политической экономике, но не обязательно к ним приводят. Кризис 1930-х годов в конечном счете привел к фундаментальной перестройке международного рыночного порядка, серьезным изменениям в политике, деятельности институтов и организационных положениях. Кризис 1970-х годов был не столь масштабным, но и он вызвал значительные изменения в политике, институтах и организационных принципах. Нынешний кризис, будучи по меньшей мере столь же глубоким, как и предыдущие, пока не привел к сколько-нибудь серьезным изменениям. И все же неолиберальный порядок, как и предшествовавшие ему порядки, становится все более неуправляемым, превращаясь в сплав непостоянных и непредсказуемых сил. Его внутренние противоречия представляют собой конкретное выражение трех важнейших взаимосвязанных головоломок — административной, головоломки экономического роста и фискальной, — которые предстоит решать тем, кто стремится управлять международными рыночными порядками.

В главе III я более подробно рассматриваю события, которые привели к финансовому краху 2008 г., и действия по преодолению его последствий, выразившихся в экономическом спаде 2009 г. и медленном неуверенном восстановлении экономики. Я описываю жизнестойкость неолиберального порядка. Несмотря на масштабы кризиса 2008 г. и его тревожные последствия, господствующий на протяжении последних 30 лет режим экономической политики до сих пор не сталкивался со значи-

тельными радикальными вызовами, будь то на уровне элиты или на массовом уровне. Проявления несогласия, радикализма и сопротивления были сравнительно слабыми. Альтернативы явно отсутствовали. Ортодоксальные нарративы в отношении долга, сокращения расходов и режима жесткой экономии чаще использовались для описания кризиса и определяли его восприятие, а протест подавлялся. Ни в одной из западных стран воинственно настроенным популистским партиям левого или правого толка, выступающим против системы, так и не удалось пошатнуть позиции, занимаемые парламентскими партиями в правительстве, несмотря на экономические трудности, которые довелось пережить гражданам этих стран.

В главе IV я уделяю особое внимание устойчивости международного рыночного порядка и тому, как по-разному сказываются последствия кризиса 2008 г. в разных странах. Я утверждаю, что в первую очередь финансовый кризис 2008 г. отразился на экономиках входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) западных стран, тогда как его непосредственное воздействие на другие страны сначала было ограниченным. Многие быстрорастущие экономики продолжали расти, что подчеркивало значение великого исторического сдвига в расстановке сил между западными и новыми быстро развивающимися странами, начало которому было положено в 1990-х годах. Последствия кризиса и реакция на него в странах — участницах ОЭСР также были различными. Наиболее ощутимый удар кризис нанес по англоязычным странам, в частности США, Великобритании и Ирландии. Его первоначальное воздействие на еврозону было весьма ограниченным, но ситуация быстро изменилась, как только стало ясно, насколько зависимы европейские банки от англо-американских финансовых рынков. По мере развития событий после финансового краха экономическая нестабильность распространилась из западных стран на все регионы мира. В условиях более глубокого структурного кризиса неолиберального порядка новые быстрорастущие экономики превратились в ведущих игроков, заинтересованных в том, каким будет окончательный исход.

В главе V я рассматриваю первую из трех головоломок, лежащих в основе структурного кризиса неолиберального порядка и угрожающих процветанию Запада: каким образом можно обеспечить порядок во все более взаимозависимом мире, где

происходит смещение международного рыночного порядка в сторону многополярности, а на смену одному центру силы приходит несколько. Давнее противоречие между единым рыночным порядком и системой множества отдельных государств еще более обострилось с появлением новых быстрорастущих стран и усилением позиций неподконтрольных правительствам сетей — от сетей транснациональных корпораций, офшорных финансовых центров, Интернета, незаконного оборота наркотиков, оружия и людей до общественных движений и международных террористических организаций. Эти изменения оказали значительное воздействие на существующий неолиберальный порядок. Главную роль в становлении неолиберального, равно как и предшествовавшего ему порядка сыграли Соединенные Штаты. Теперь их вновь призывают возглавить переустройство международного рыночного порядка с учетом новых обстоятельств, сложившихся после финансового краха. Но это означает, что придется делиться властью со странами, которые до сих пор по большей части были отстранены от управления миром, и реформировать международные институты с учетом новых реалий. Возможно, США придется свыкнуться с другой, не столь доминирующей ролью, если речь идет о поддержании либерального международного рыночного порядка.

В главе VI я обсуждаю, как достичь устойчивости в ситуации, когда новая стагфляция и изменения окружающей среды ставят под вопрос воспроизводство социальных и экологических условий экономического роста. Капитализм основывается на приватизации прибыли и социализации убытков, но между ними всегда существует противоречие, которое в эпоху неолиберализма становится все более заметным. Частное накопление постоянно ведет к ухудшению общественных, политических и экологических условий, необходимых для его успеха. Наиболее наглядные признаки такого ухудшения — возвращение в западные экономики стагфляции, выражающейся в стагнации уровня жизни, а также недавние проявления дефляции, грозящей падением цен и ослаблением доверия. Перспективы возврата к устойчивому продолжительному росту омрачаются риском длительной стагнации в западных экономиках и нарастающими экологическими рисками, создающими угрозу сохранению жизни на нашей планете. Многие социальные и экологические основы роста, на которые раньше опирался рыночный порядок, такие как технологические

инновации, увеличение численности населения, иммиграция и неисчерпаемые ресурсы окружающей среды, становятся все менее надежными. На данный момент западные экономики, похоже, достигли технологического потолка, собрав все легкодоступные плоды, и теперь пытаются найти новые способы увеличения производительности, которые позволили бы поддерживать стабильный рост уровня жизни и обеспечить ресурсы, необходимые для адаптации к изменению климата.

В главе VII я ставлю вопрос о легитимации рыночного порядка в условиях, когда сплоченности общества угрожают рост неравенства, снижение жизненного уровня, сокращение государственных услуг и экономический застой. В фискальной головоломке отражается постоянная напряженность, существующая в отношениях между мировыми рынками и демократическими странами в условиях неолиберального порядка, которая проявляется в усиливающейся поляризации богатых и бедных в западных обществах, росте неравенства доходов и богатства, в размывании фискальных основ государства всеобщего благосостояния. Отчасти вследствие усиления глобальной конкуренции и сужения перспектив роста культура социальных прав, возникшая в западных экономиках после 1945 г., грозит вызвать глубокий и затяжной фискальный кризис, который приведет к падению уровня жизни и создаст угрозу легитимности и социальной сплоченности. Проводимая сегодня политика жесткой экономии направлена, в частности, на получателей социальной помощи, и она становится все жестче. В условиях растущего сопротивления повышению налогов и трудностей взимания действующих налогов государствам, система социального обеспечения которых основывается на перераспределении, становится все труднее сохранять консенсус и продолжать выплату пенсионных пособий для всех, поддерживать систему всеобщего здравоохранения и образования. Однако большое государство незаменимо, когда речь заходит о здоровом накоплении частных средств, составляющем основу действующего рыночного порядка. Продолжительный фискальный кризис усугубляется и наблюдаемым в западных демократиях снижением уровня легитимности государственных институтов, а также доверия к политикам. Это делает решение первой головоломки, то есть задачи развития сотрудничества на региональном и международном уровнях, еще более затруднительным.

В главе VIII я обозначаю контуры четырех сценариев. Первый сценарий отражает точку зрения, представленную в главе I, согласно которой особых перемен не происходит или в них нет особой нужды. Это — сценарий по умолчанию, сценарий кризиса без конца. Несмотря на грядущие потрясения, неолиберальный порядок сохранит свою жизнестойкость и продолжится движение в направлении дальнейшей либерализации и глобализации. Что касается мировой системы государств, то мир остается однополярным, доминирование Соединенных Штатов сохранится, но их способность действовать в глобальном масштабе станет слабее. Новым быстрорастущим странам достичь прогресса помешают внутренние кризисы, поэтому вызов с их стороны ослабнет. Негосударственные сети продолжат расширяться и подрывать власть государств, но определенный порядок сохранится. Западным странам удастся избежать еще одного крупного кризиса, но им потребуются прилагать значительные усилия, чтобы справляться с противоречиями внутри самого неолиберального порядка. За такую жизнестойкость придется заплатить отсутствием реформ. Остальные три сценария построены на том, что произойдут существенные изменения в одном или нескольких аспектах неолиберального порядка, которые позволят в той или иной степени преодолеть кризис, сделав возможным переход к иному, правда, не обязательно более совершенному порядку. Второй сценарий предусматривает возникновение биполярного мира в результате нового геополитического соперничества между США и Китаем, усиление конкурентного противоборства за ресурсы и рынки и превращение новой гонки вооружений в главный стимул роста американской экономики. Однако это приведет к обострению фискальных проблем и в конечном счете к новому крупному финансовому кризису, который на этот раз затронет и доллар. Согласно третьему сценарию, мир станет многополярным. Возрастет роль «Большой двадцатки» и многосторонних переговоров, ведущих к заключению международных соглашений по широкому кругу вопросов, включая торговлю, финансы, предоставление помощи, установление гораздо более диверсифицированного и репрезентативного международного рыночного порядка, который создаст основу для сотрудничества на более высоком уровне, наступления новой эры процветания во всем мире и снижения остроты финансовых проблем в западных

странах. Четвертый сценарий также построен на многополярности мира, достигаемой как в результате изменения баланса сил между государствами, так и в результате роста негосударственных сетей. Правда, сотрудничества достичь не удастся, и мир вступит в новую эпоху соперничества, конфликтов и расколов. Запад окажется в длительном застое и упадке, которые только усугубят затяжной и неразрешенный фискальный кризис. Глава завершается обзором представленных в книге аргументов и обсуждением перспектив благоприятного исхода кризиса неолиберального порядка.

1. Новая стагфляция

Финансовый крах 2008 г. представляет собой парадоксальное явление. Если это был столь мощный катаклизм, то почему за прошедшие несколько лет произошло так мало заметных перемен? Базовые структуры политической экономики остаются на своих местах. Несмотря на определенные реформы, особенно заметные в области финансового регулирования, банки по-прежнему выплачивают бонусы, мощь корпораций остается непоколебимой, реформа основных международных институтов так и не проведена, международные переговоры по вопросам изменения климата и торговли так и не вышли из тупика, а доминирующая идеология последних 30 лет — неолиберализм в его различных проявлениях — сохраняет свое господство и по большей части остается незыблемой. Несмотря на чрезвычайные меры, предпринятые государством для спасения финансовой системы, само государство продолжает отступать, сокращая свои расходы и численность государственных служащих в соответствии с требованиями политики жесткой экономии. «Большая двадцатка», создававшаяся как важный международный форум, затмила «Большую восьмерку», но большинство стран так и не вошли в ее состав. Партии, принадлежащие к основным политическим течениям и следующие ортодоксальному политическому курсу последних 30 лет, остаются правящими во всех центрах власти Запада. Неолиберальный порядок представляется устойчивым и защищенным. О каком кризисе может идти речь? Может быть, события 2008 г. были всего лишь импульсом, аналогичным краху на фондовой бирже в 1987 г., мимолетным нарушением непрерывного поступательного движения по пути, определенному неолиберальной эпохой?

Имеющиеся свидетельства противоречивы, но в этой главе я буду исходить из того, что кризис 2008 г. был не импульсом, а сигналом начала длительного противостояния по основным вопросам политической экономики на национальном и мировом уровнях. Причиной этого противостояния стал конфликт интересов государств, групп, классов и организаций, руководствовавшихся различными идеологиями, а порой — и различными культурами. Конфликты подобного рода не новы, и они

неотделимы от политики. Но в период кризисов эти конфликты заметно обостряются и могут стать причиной значительных перемен — иногда преднамеренно, иногда без всякого умысла. Это открытые конфликты, их исход неясен, но те, кто в них участвуют, располагают определенными ресурсами, возможностями, знаниями и убеждениями, поэтому весьма вероятно, что результаты таких конфликтов будут вполне конкретными.

Кризису часто сопутствует рост радикальных настроений, распространяются новые идеи, происходит поляризация политических мнений вокруг четких альтернатив. Пробуждается политическое воображение. Радикалы всех мастей начинают верить, что их давние мечты могут осуществиться полностью или частично. Быть радикалом — значит смотреть в корень вещей и представлять себе нечто, отличающееся от сложившегося уклада и принятого порядка ведения дел. В период кризиса радикалы расцветают именно тогда, когда начинает казаться, что все происходит не так, как раньше, и можно убедить гораздо большее число людей, чем в обычные времена, попытаться сделать что-то совершенно отличное от прежнего.

Но у радикалов никогда не получается все так, как они хотели. Во все времена им противостоят прагматики и реалисты, которым не нравится размышлять о политике как о чем-то фундаментальном, независимо от того, идет ли речь о возврате к чему-то старому и бесспорному или о создании чего-либо нового. Скорее, они стремятся удержать на плаву то, что уже имеется, использовать существующие институты и подходы, подлатать и подправить имеющееся там, где это необходимо, экспериментировать и импровизировать, но только не менять радикально ни институты, ни политику. Именно реалисты и прагматики чаще всего находятся у власти, и именно они чаще всего приходят к власти после революций. Как заметил величайший реалист князь Танкредо в «Леопарде», «чтобы все осталось по-прежнему, все должно измениться».

Открытым остается вопрос о том, на чьей стороне — радикалов или реалистов — окажется преимущество после кризиса. Когда речь заходит о кризисе, то всегда возникают споры относительно его определения: что стало причиной кризиса, кто повинен в нем, был ли это кризис вообще и как следует на него реагировать. При постоянно меняющейся политике после финансового краха 2008 г. какое-то время казалось возможным,

что радикалы сумеют перехватить инициативу и приступить к переформатированию и переделу международной политики и экономики, как они уже делали после кризиса 1929 г. в ряде стран, прежде всего в Германии и США. События 2008 г. были настолько стремительными, что поначалу казалось, будто они несут в себе катарсис, очищение и избавление системы от финансовых ядов, нанесших ей столь значительный урон, и знаменуют собой важные перемены в международной политической экономии. Какое-то время доктрины политической экономии, доминировавшие на протяжении последних 20 лет, представлялись дискредитированными, говорилось о необходимости разработать новые основы и пересмотреть положения, на которых строится экономика. Однако вскоре после того, как непосредственный кризис миновал, ощущение, что ничего уже не будет как прежде, уступило место старому консервативному припеву: почему бы не оставить все так, как было? Прежние доктрины и способы ведения дел утверждались вновь, будто ничего и не произошло. В 2010 г., а затем и в 2013 г. росла уверенность, что худшее уже позади и мир вскоре вернется к обычным способам ведения дел. Все вернется в привычное русло, надо только провести минимальные изменения в организации экономики. Шторм удалось пережить. Оказалось, что вполне можно обойтись минимальными корректировками. Было принято несколько новых мер, направленных на предотвращение финансового коллапса, но среди них не было ничего слишком обременительного, что могло бы изменить работу финансового сектора, столь важного для экономики и перспектив восстановления и роста.

ЕСЛИ СУЩЕСТВЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ НЕ ПРОИЗОШЛО

Тезис о том, что финансовый крах 2008 г. не вызвал существенных изменений, не оспаривает серьезность этого кризиса, но указывает на ряд отличительных черт, которые позволили ограничить его последствия. Первая из них состоит в том, что принятые чрезвычайные меры дали возможность стабилизировать экономику. Кризис был успешно преодолен, опасность осталась позади. В результате постепенно вернулась уверенность в жизнеспособности англо-американской модели финансового роста и в том, что кризис был разовым явлением, которое больше не повторится. Выход из рецессии был медленным и болезненным,

но пять лет спустя появились признаки возврата экономики на прежние рельсы. Здесь особенно очевиден контраст с 1930-ми годами и значительное сходство с 1970-ми, когда кризис также удалось успешно пережить, хотя из того кризиса собственно и возник новый порядок — неолиберальный [Helleiner, 1996; Frieden, 2006; Glyn, 2006].

Вторая отличительная черта состоит в том, что в иерархии государств не произошло никаких изменений. Соединенные Штаты остались доминирующей державой в международном рыночном порядке. Здесь мы видим резкое отличие и от 1930-х годов, когда кризис показал неспособность Британии оставаться ведущей державой, и от 1970-х, когда США воспользовались возможностями, появившимися в ходе кризиса, — который они же отчасти и спровоцировали, в одностороннем порядке отказавшись от системы фиксированных обменных курсов, согласованной в Бреттон-Вудсе, — чтобы изменить свою роль в системе и правила, которым должны были следовать все остальные. После 2008 г. США предложили лишь незначительные изменения в способе управления мировой системой [Germain, 2009; Payne, 2010; Wade, 2011].

Третья отличительная черта заключается в отсутствии ярко выраженного блока деловых интересов, который выступал бы за альтернативную политику, а также в том, что противостоящие бизнесу силы, такие как профсоюзы, за последние 30 лет серьезно ослабли. Хотя в деловых кругах существуют расколы, им уже не противостоит сколько-нибудь заметная сила извне. В 1930-х и 1970-х годах ситуация была иная. Пространство для политических альтернатив сжалось. Привилегированное положение бизнеса, о котором Чарльз Линдблом писал в 1970-х годах, обусловленное как способностью бизнеса формировать политическую повестку дня благодаря привлечению лучших ресурсов, так и его структурной мощью как источника занятости и роста [Lindblom, 1977; Линдблом, 2005], при неолиберальном порядке стало еще более привилегированным. В гражданском обществе действуют сильные группы влияния, сдерживающие бизнес, но теперь предпринимателям уже не приходится противостоять крупным организованным группам, отстаивающим свои интересы [Crouch, 2011; Крауч, 2016].

Четвертой отличительной чертой является то, что у политического класса и государственных ведомств нет особого жела-

ния проводить радикальные эксперименты. Партии основных политических течений в глазах электората в западных демократиях представляют единый политический класс и становятся все более взаимозаменяемыми. Избиратели с трудом усматривают различия в политике, которую проводят партии, когда приходят к власти. Государственные ведомства, особенно выполняющие функции регулятора, иногда заходят слишком далеко в своем вмешательстве, но лоббисты, защищающие интересы бизнеса, успешно пресекают или нейтрализуют большинство подобных попыток. В качестве примера можно привести мягкие меры регулирования в отрасли финансовых услуг в период, непосредственно предшествовавший кризису. Симбиоз деловых и правительственных кругов приводит к тому, что властные структуры становятся все более монолитными. Они превратились в единое предприятие. В эпоху неолиберализма международная система достигла нового уровня взаимосвязи благодаря глобализации и либерализации, а понимание этой сложной взаимозависимости заставило основных политических акторов осознать ограниченность своих возможностей в том, что касается отклонения от сложившегося консенсуса. Этот консенсус имеет технократический, космополитический и либеральный характер. Оппозиция такому консенсусу носит популистский, националистический и авторитарный характер, хотя до сих пор, как я показываю в главе III, эти оппозиционные силы не получили большинства [Eatwell et al., 2014, ch. 9, pt. I].

Пятая отличительная черта состоит в том, что неолиберальные идеи превратились в руководящую силу в значительно большей степени, чем это было в свое время с идеями либерализма [Shmidt, Thatcher, 2013]. Неолиберальные идеалы закрепились и на уровне здравого смысла, чему способствовали средства массовой информации, и в качестве операционных кодов благодаря влиянию современной экономики. Уже нет многих политико-экономических альтернатив неолиберальной модели (одной из которых была скандинавская), не существует альтернативного международного порядка или альтернативной социально-экономической системы, роль которой во время двух предыдущих структурных кризисов на мировом рынке выполнял СССР. После 1989 г. у западного международного рыночного порядка нет соперников [Fukuyama, 1989; Фукуяма, 1990]. Контраст с 1930-ми и 1970-ми годами очевиден.

Эти пять отличительных черт помогают объяснить, почему неolibеральный порядок оказался столь жизнестойким. При всей масштабности финансового краха он так и не привел к появлению новых интересов или новых альтернатив. Определяющая политическая позиция состоит в том, чтобы хоть как-то выйти из сложившейся ситуации. Из такого подхода следует, что последствия кризиса оказались просто недостаточно сильными, чтобы спровоцировать решительные действия. Девиз «не сломано — не чини» всегда считался привлекательным, и к 2013 г. большинство предпринимателей и политиков пришли к мнению, что экономика в конечном счете сломана не была. Западная экономика не повторила падения 1930-х годов. Реакция на кризис оказалась вполне достаточной, чтобы избежать этого. Конечно, кризис был моментом опасности, но пациент выжил, и для этого не потребовалось существенно менять направление движения. Политика первых пяти лет после краха определялась тем, насколько значительным окажется ущерб, нанесенный существовавшим до кризиса отношениям, и как скоро удастся восстановить доверие, которое позволит вернуться к привычному порядку вещей. Реалисты отмечают, что процесс еще продолжается и худшего еще не случилось. Соединенные Штаты выжили, миновав фискальный обрыв в 2013 г., а еврозона пережила почти смертельные события в 2011 и 2012 гг. Дэвид Рансимен [Runciman, 2013] в книге «Ловушка доверия» утверждает, что, подвергаясь давлению, демократии обычно делают ровно столько, сколько необходимо для того, чтобы оставаться на плаву. Структурные аспекты кризиса, возможно, нельзя исправить, но реалисты говорят, что со временем они будут не столь значительными, так что на них можно не обращать внимания.

Самым убедительным подтверждением того, что ничего не изменилось, является устойчивость доминирующей структуры институтов, политики и идей, существовавшей до краха, которая, хотя и перенесла короткую встряску, и пять лет спустя во многом остается в целостности и сохранности [Engelen et al., 2011; Schmidt, Thatcher, 2013; Grant, Wilson, 2014]. Были сообщения о банковской реформе и законодательных инициативах, среди которых выделяют закон Додда — Франка, принятый в США в 2010 г. и устанавливающий новые правила банковской деятельности, а также международное соглашение «Большой двадцатки» о создании Совета по финансовой стабильности и о новых

правилах финансового регулирования Базель III. Хотя эти меры и способствовали ужесточению финансового регулирования, связанные с ними перемены выглядят весьма умеренными по сравнению с бескомпромиссными реформами 1930-х годов, такими как Закон 1933 г. о банковской деятельности в США (закон Гласса — Стиголла), который вводил разделение между розничной и инвестиционной банковской деятельностью. Этот закон действовал до 1999 г. и был отменен с принятием закона Грэмма — Лича — Блайли, как раз перед последним всплеском воодушевления во время великого финансового бума.

То же относится и к международному финансовому регулированию. На саммите «Большой двадцатки», состоявшемся в 2009 г. в Лондоне уже после начала кризиса, была выражена надежда на то, что будет заключено соглашение о принятии решительных мер в сфере международного финансового регулирования, направленных на устранение эксцессов в международной финансовой системе и восстановление определенного контроля над финансовыми потоками. Однако, несмотря на личную вовлеченность некоторых лидеров, в частности Гордона Брауна, и значительные перемены, включавшие создание Совета по финансовой стабильности, управляемого руководителями центральных банков [Mackintosh, 2013], соглашение о создании всеобъемлющего свода правил оказалось слабым [Baker, 2010; 2013; Engelen et al., 2011] и разочаровало некоторых его первоначальных сторонников [Brown, 2013]. Особой критике подверглись правила Базель III. Как и прежде, финансовый сектор остается почти таким же большим и почти таким же нерегулируемым. Разговоры о новом Бреттон-Вудсе быстро затихли [Helleiner, 2010], и теперь почти никто не пытается вернуть политический контроль над финансовыми потоками, если не считать создания нескольких дополнительных предохранительных клапанов, которые вряд ли смогут предотвратить появление нового «пузыря», а значит, и новый финансовый крах [Stiglitz, 2010; Стиглиц, 2011]. Банки восстановили доверие к себе и сегодня активно лоббируют против новых мер финансового регулирования. По мере восстановления доверия требования смягчить правила Базель III или позволить банкам обходить их усилятся, и при этом ссылаются будут на то, что эти правила были уместны непосредственно после краха, но не теперь, когда экономика вновь встала на ноги. Политики по обе стороны Атлантики громко за-

являют о своей обеспокоенности возможными ограничениями банковской сферы и указывают, что для восстановления экономики процветающий финансовый сектор жизненно необходим. При всей непопулярности банков и банкиров, от англо-американской модели роста, которая процветала на протяжении двух десятилетий, предшествовавших краху, не отказались — частично из-за того, что внятной альтернативы ей до сих пор не найдено. Если бы все страны последовали ориентированным на экспорт германской или китайской моделям, это привело бы их к саморазрушению, вызвало бы конкурентную девальвацию и торговые войны. Готовность некоторых стран следовать модели роста, обеспечиваемой за счет долга и ориентированной на импорт, в последний период была жизненно важной для поддержания экономического роста. Все политики говорили об изменении баланса в экономике своих стран, направленном на развитие экспорта и увеличение производства, но на деле баланс был изменен незначительно.

Почему так происходит, убедительно объясняет Колин Крауч [Crouch, 2011] в книге «Странная не-смерть неолиберализма». Предыдущий бум зависел от того, что Крауч называет «приватизированное кейнсианство». Неолиберальный поворот в государственной политике в 1970-х и 1980-х годах дискредитировал «государственное кейнсианство», выступавшее за использование государственных расходов для повышения спроса в экономике и возврата к полной занятости. Решение, принятое неолибералами, предусматривало привлечение финансового сектора и опиралось на значительное увеличение частной задолженности. Соединенные Штаты как ведущая экономика, контролирующая доллар, могли бы себе позволить государственный и частный долг, в то время как в других странах дефицит государственного бюджета находился под жестким контролем Европейского союза (ЕС) и Международного валютного фонда (МВФ), и именно значительный рост долгов частного сектора (домохозяйств и компаний) подогревал экономический бум и создание «пузырей» на рынках активов, связанных с этими долгами. Существовал постоянный риск того, что ситуация выйдет из-под контроля, но считалось, что, заложив стоимость рисков в цену и, если необходимо, воспользовавшись помощью центрального банка в виде скрытой интервенции, рынок сам решит проблему задолженности и ответит экономику от отрыва.

Приватизированное кейнсианство, постоянное поощрение увеличения задолженности частных домохозяйств, которым настойчиво предлагались заемные средства с использованием закладных, кредитных карт и банковских ссуд, выработали у людей устойчивую зависимость. Как показывает Крауч, такая ситуация устраивала всех, но больше всего она отвечала интересам корпоративного сектора. Поток легких денег был необходим ему, чтобы продавать товары и услуги и получать прибыль. Участвовавшие в этом процессе крупные компании сами превратились в ведущих финансовых игроков, зависимых от банков, и в то же время в полной мере использовали открывшиеся финансовые возможности. Крауч имеет в виду то, что в современной политэкономии трудно определить интересы бизнеса. Производственный сектор не стремится освободиться от связей с финансовым сектором. В англо-американских странах, представляющих собой оплот современной капиталистической экономики, все приводится в движение именно финансами [Gowan, 2009; Baker, 2010; Green, 2013]. Комплекс интересов, сформировавшийся в современном корпоративном секторе, и его симбиотические связи с государством означают, что деловые круги не испытывают особого желания проводить коренную реструктуризацию экономики или политического курса. Крах 2008 г. был сильнейшим шоком, но он не потряс до основания веру в незаменимость действующей модели финансового роста. Устойчивая зависимость от повышения стоимости активов — от недвижимости до акций — как движущей силы экономики несколько не ослабла, тогда как восстановление все еще определяется по старым критериям [Нау, 2013].

Бремя проведения корректировок во время рецессии легло в основном на государственный сектор. Цены на жилье упали, особенно в США, но это падение было значительно меньше, чем в других западных странах, включая Соединенное Королевство, а к 2014 г. на рынке жилой недвижимости начал созревать новый «пузырь». В отсутствие роста инвестиций в деловую активность были предприняты осторожные попытки создать условия для нового потребительского бума в англо-американских странах за счет очередного значительного увеличения кредитования. В противоположность этому, политика жесткой экономики в Европе строилась в первую очередь на сокращении государственных расходов и уменьшении доли государственного секто-

ра. Сжатие экономики в 2009 г. привело к резкому увеличению доли государственного сектора в экономике, при том что изначально ставилась задача ее сокращения. К этому добавлялись и расходы на спасение банков. Но, хотя сокращение дефицита в государственном секторе стало проверкой фискальной политики, считавшейся необходимым элементом при закладывании основ восстановления экономики, становится понятным, что никакого восстановления не произойдет, если потребители снова не начнут брать кредиты. Лишь в этом случае компании смогут уверенно делать инвестиции. Экономика большинства западных государств подтвердила свою жизнестойкость в том смысле, что ей в конце концов удалось восстановиться. Но она все еще остается очень хрупкой [Wolf, 2013].

ЕСЛИ ИЗМЕНИЛОСЬ НЕЧТО СУЩЕСТВЕННОЕ

Многие финансовые кризисы, имевшие место в течение последних 60 лет, сказались на экономике различных стран и регионов. Азиатский кризис 1997–1998 гг., например, стал суровым испытанием для роста многих новых рыночных экономик региона, но его последствия носили лишь временный характер [Haggard, 2000]. Финансовый крах 2008 г., затронувший в основном страны ОЭСР и экономику североатлантических стран (хотя и не все члены этой организации пострадали в одинаковой мере), тоже можно рассматривать с этой точки зрения. Об этом речь пойдет в главе IV. Кризис 2008 г. отличается то, что, во-первых, он затронул ведущие финансовые центры мировой экономики — Нью-Йорк и Лондон [Gowan, 2009]. Во-вторых, значительный сегмент либерализированной международной финансовой системы попал под удар обратной волны кризиса, и это в конечном счете сказалось на мировой экономике в целом. В-третьих, не произошло быстрого отскока, как это случилось после азиатского кризиса. В экономике многих западных стран задолженность по-прежнему превышала доходы, а перспективы восстановления были незначительными и неравными.

Кризис может проявляться в самых разных формах. Одним из важнейших различий, которое более подробно рассматривается в следующей главе, является различие между экзистенциальным кризисом и глубоким, или структурным, кризисом. Первый представляет собой критическую ситуацию, чрезвычайное

положение, момент опасности, кульминационный момент, когда принимаемые решения и реакция действующих лиц имеют жизненно важное значение. Второй возникает в результате медленно нарастающих сил и тенденций, которые, хотя и обусловлены действиями и выбором человека, зачастую ограничивают людей, а не контролируются ими. Не приходится сомневаться, что кризис 2008 г. представляет собой экзистенциальный кризис, действительный момент опасности. Финансовые власти были ошеломлены, захвачены врасплох, и, несмотря на их незамедлительную реакцию, ситуация висела на волоске. Мало кто сомневается в том, что если бы реакция на кризис была иной, то в 2008 г. произошел бы финансовый обвал, сравнимый по своим масштабам с событиями 1929 г., и этот обвал имел бы далеко идущие политические и экономические последствия, включая экономический спад масштаба 1930-х годов. Этого удалось избежать, правда, с большим трудом [Paulson, 2010; Darling, 2011]. События, приведшие к кризису 2008 г., свидетельствуют о серьезных просчетах и недосмотрах в регулировании, об утрате контроля, которые едва не стали причиной классического кризиса капитализма, считавшегося невозможным после того, что произошло в 1930-х годах.

Был ли это просто временный экзистенциальный кризис, короткий резкий шок с возвратом к нормальной ситуации и привычному порядку вещей, или это был сигнал о существовании гораздо более глубокого кризиса, для разрешения которого потребуется длительный период адаптации и восстановления? Если второе, то финансовый крах 2008 г. можно считать началом нового тектонического сдвига в истории капитализма. Такой сдвиг может означать и внезапную конвульсию, и коренное изменение основ существующего порядка. Разумеется, кризис 2008 г. был внезапной конвульсией. Вопрос в том, подтолкнет ли она к изменению существующего порядка, и если да, то каким он будет?

Первая причина считать, что финансовый кризис вызвал существенные изменения, — это сам масштаб происходящего. Многие обозреватели сразу после кризиса заговорили о смене посылов, определявших политику на протяжении трех десятилетий. Длительному отступлению государства был положен конец. В чрезвычайной ситуации именно государство должно было спасти рынок. Различные нелепицы об эффективности

рынков на поверку нелепицами и оказались. Многие поспешили заявить, что силовое вторжение государства, направленное на спасение банков, подтверждает правоту Кейнса [Clarke, 2009; Skidelsky, 2009; Скидельски, 2011] и что спустя 30 лет, на протяжении которых кейнсианство высмеивалось как несостоятельный и устаревший метод управления экономикой, вдруг стало ясно, что дело обстоит совершенно иначе и теперь потребуются значительные изменения [Eatwell, Milgate, 2011; Mirowski, 2013]. Многие утверждали, что прежняя политика настолько изжила себя, что уже не подлежит коррекции, и необходимы радикальные преобразования как на национальном, так и на международном уровнях [Stiglitz, 2010; Стиглиц, 2011; Reich, 2011; Райх, 2012].

Никаких радикальных преобразований так и не произошло, до сих пор не определены основы новой политики. Но не произошло и полного возврата к прежнему политическому курсу, хотя имеют место определенные изменения, которые со временем могут привести к переменам долгосрочного характера. По ряду направлений государство вновь выступает в роли активного игрока, в частности, в финансовом регулировании. Однако наиболее убедительным подтверждением существенных изменений стали сроки, в течение которых удалось приступить к восстановлению. Исключительные меры, такие как снижение процентных ставок почти до нуля и количественное смягчение, оказались не временными, предназначенными для борьбы с кризисом. Они оставались необходимыми и через пять лет после кризиса, в 2013 г. Продолжительность рецессии, а также масштабы и сроки участия правительств и центральных банков в поддержании экономики свидетельствуют о глубине кризиса и значительных трудностях, связанных с возвратом к условиям, существовавшим до кризиса. Политикам пришлось действовать в новых реалиях: теперь вместо инфляции, представлявшей собой главную экономическую проблему в 1970-х годах, приходилось опасаться дефляции [Summers, 2014; Cassidy, 2014] и раскручивания дефляционной спирали, подобно тому как это происходило в 1930-х годах. Попытки остановить такое опасное развитие событий с помощью бюджетных стимулов и валютных послаблений вызвали новую стагфляцию, которая на этот раз сопровождалась устойчивой тенденцией превращения в дефляцию, а не инфляцию.

Теперь казалось, что двадцатилетний опыт Японии, до тех пор считавшийся уникальным и возможным лишь в обстоятельствах, сложившихся в этой стране, может иметь гораздо более широкое распространение. После 1990 г. Япония пережила серьезный финансовый кризис, а за ним последовал длительный период медленного роста, темпы которого значительно уступали темпам, достигнутым в предыдущие 40 лет. Экономическое восстановление страны шло по L-образной траектории: падение производства было остановлено, но рост производства был крайне незначительным. Это явление продолжилось и в XXI в. и получило название «потерянного для Японии десятилетия». На протяжении 40 лет Япония относилась к числу быстрорастущих стран. Ее экономика росла столь стремительно и непрерывно, что не только заняла второе место в мире, но и стала восприниматься как потенциальная соперница США. Книжки с заголовками типа «Япония на полосе обгона» можно было увидеть во всех книжных магазинах в аэропортах. К 2000 г. такие книги уже почти не печатали. К началу финансового краха Япония еще оставалась третьей крупнейшей экономикой мира, однако темпы ее роста замедлились, население страны старело, и ее все чаще считали не растущей, а приходящей в упадок страной. В 2013 г. новое правительство во главе с Синдзо Абэ решило изменить ситуацию, приступив к выполнению радикальной программы по борьбе с причинами спада. Большинство этих причин имели глубокие корни и отражали геополитические, демографические и ресурсные ограничения. Но в самой Японии и за ее пределами широко распространилось мнение, что столь внезапный выход Японии из числа претендентов на ведущую роль в мировой экономике был ускорен ее действиями во время финансового кризиса, охватившего страну в конце 1980-х годов. Япония попала в дефляционную ловушку, и ей прежде всего нужно было избавиться от дефицита и расплатиться по долгам. Это нарушало перспективы экономического роста и способствовало распространению пессимистических настроений относительно будущего и нежелания инвестировать в экономику страны [Коо, 2009; Hutton, 2013].

Последствия кризиса 2008 г. заставили вплотную заняться проблемой дефляции политиков, которые вдруг обнаружили, что опыт Японии может оказаться не исключением, а предвестником новых обстоятельств, с которыми им придется иметь

дело. Несбывшиеся ожидания того, что вслед за рецессией последует достаточно быстрое восстановление, которое позволит экономике выйти на еще более высокий уровень производства, породили новые опасения относительно состояния экономики. Удалось избежать восстановления экономики по L-образной траектории, но теперь процесс развивался скорее по W-образной, чем по V-образной траектории. В некоторых странах экономический рост на какое-то время возобновился и начал набирать темпы, но затем снова прекратился. В 2010 г. появилась уверенность в том, что в конце концов эта рецессия не так уж сильно отличается от предыдущих. В 2009 г. в большинстве западных стран производство резко упало — в некоторых из них до 9%, правда, в 2010 г. вновь появились признаки экономического подъема, вселявшие надежду на то, что худшее уже позади. Эти надежды улетучились в 2011 г., когда опять появились признаки замедления экономического роста и зазвучали прогнозы, обещающие в 2012 г. экономический спад в ряде стран, в том числе европейских. Рецессия обошла стороной большинство западных стран, но в целом вердикт первых пяти лет после кризиса был таков: после спада эти страны в лучшем случае сумели достичь нулевого роста, перемежавшегося слабыми и быстро затухающими всплесками. В одних странах еврозоны ситуация была намного хуже, в других — удалось удержать экономику на плаву и даже предотвратить резкий рост безработицы. Одним из главных политических успехов послекризисного периода стало недопущение резкого роста безработицы, хотя в 2012 г. в некоторых странах еврозоны, в том числе в Испании и Греции, безработица достигла очень высокого уровня: без работы оставалось 25% всех трудоспособных, а среди молодежи — 50%.

Еще не ясно, насколько продолжительным окажется процесс восстановления, заявивший о себе в 2013 и 2014 гг. во многих западных странах. До сих пор многое препятствует тому, чтобы этот процесс стал устойчивым и непрерывным. Настоящее испытание наступит, когда в конце концов будут повышены процентные ставки и прекратится количественное смягчение. Правительства всех стран проводят политику жесткой экономики, правда, разной степени жесткости, направленной на сокращение государственного и частного долга [Blyth, 2013], но дилемма, которую им предстоит решить, состоит в том, что если им удастся преуспеть, то это приведет к снижению зара-

ботной платы, что, в свою очередь, обернется падением спроса и ослаблением уверенности. В 2013 г. правительство Абэ многое делало для того, чтобы оживить экономику Японии, повышая цены внутри страны за счет количественного смягчения и девальвации иены. Правительство обещало повысить уровень инфляции. В 1970-х годах такой шаг сочли бы неслыханным, но в новую эпоху дефляции он стал неизбежным. Тем не менее оставались сомнения в том, удастся ли сохранить темп: в правительстве понимали, что, после того как уверенность будет восстановлена, курс иены может снова начать расти, а это вновь приведет к снижению конкурентоспособности экспорта и ослаблению уверенности. К тому же Япония занимала одно из первых мест среди стран с развитой экономикой по величине государственного долга, составлявшего более 200% ВВП, поэтому ей трудно будет сохранять баланс между сдерживанием роста задолженности и обеспечением дополнительного государственного финансирования восстановления экономики.

Если Японии удастся вернуться к темпам роста, близким к нормальным, это станет своего рода утешением для других западных стран, пытающихся преодолеть дефляционный уклон этой новой стагфляции. И все же сложившаяся ситуация указывает на существенные изменения в экономике западных стран. Почему первым симптомом разлада экономики в 1970-х годах был рост цен (инфляция), а сегодня этим симптомом стало снижение цен (дефляция)? Несмотря на рекордно низкие процентные ставки и значительное количественное смягчение, ни одна западная страна не столкнулась с проблемой инфляции. А вот проблема дефляции возникла сразу в нескольких странах. При такой постановке вопроса особое внимание привлекают некоторые недавно появившиеся тенденции в политической экономике, причем часть из них возникла еще до краха 2008 г. К их числу относится стагнация уровня жизни большинства наемных работников, возникшая в начале 2000-х годов [Parker, 2013]. Именно она стала одной из причин роста задолженности домохозяйств в последние годы экономического бума, когда частные лица занимали средства, чтобы поддерживать свой уровень жизни и позволить себе растущие расходы на жилье. Для продолжительного подъема экономики необходимо вернуться к увеличению заработной платы и производительности труда. На протяжении 20 лет, предшествовавших кризису, наблюдался

рост неравенства доходов и богатства, особенно в экономиках англо-американских стран. Эта тенденция сохранилась и после кризиса, потому что количественное смягчение оказывает очень регрессивное воздействие на распределение доходов и богатства, вызывая рост цен на активы, при том что замораживаются или сокращаются другие виды доходов. Другая тенденция выражается в увеличении дисбаланса в международной экономике между государствами-кредиторами и государствами-должниками, при этом в экономиках ряда стран средства расходовались совершенно свободно, допуская рост государственной и особенно частной задолженности, тогда как в других странах приоритет отдавался инвестициям и экспорту, что привело к возникновению значительного профицита [Thompson, 2010]. С дисбалансом всегда можно справиться, если существует общепринятый подход, как это было в мире в 1950–1960-х, а затем и в 1990–2000-х годах. Этот подход начал давать сбои еще до 2008 г., а потом следовать ему стало еще сложнее. Последующие события еще раз подтверждают, что произошло нечто существенное и что мы находимся в новом экономическом времени.

Этого взгляда придерживаются и те, кто занимается разработкой политики, и те, кто наблюдает за ней извне. В *World Economic Outlook*, вышедшем в октябре 2012 г. незадолго до того, как начали поступать успокаивающие экономические новости, МВФ понизил прогнозы роста для большинства ведущих экономик и предостерег об угрозе очередной крупной глобальной рецессии. МВФ особо указал на приближение США к «фискальному обрыву» и обострение разногласий между демократами и республиканцами в вопросе о погашении суверенного долга. МВФ также указал на жесткое давление внутри еврозоны и призвал входящие в нее страны продолжать движение к полноценному бюджетному и банковскому союзу, который позволит стабилизировать курс евро. Кроме того, МВФ был встревожен тем, что медленное восстановление экономики западных стран начало сказываться на новых быстрорастущих странах — это проявилось в ощутимом падении темпов экономического роста в Китае, Индии и Бразилии и стало отражением падения спроса во всем мире, а также наличия вполне определенных внутренних проблем в этих странах. В прошлом МВФ выступал за оздоровление бюджета, утверждая, что наиболее надежным путем к восстановлению будет принятие правительствами отдельных

стран реалистичных планов сокращения дефицита, его ликвидации и начала выплат по растущим долгам. К 2012 г. МВФ признал, что многим странам такая стратегия не подходит и что меры финансового давления и жесткой экономии, опробованные в ряде стран, на деле привели не к уменьшению, а к увеличению задолженности, так как результатом такой политики стало замедление темпов роста и сокращение выпуска. МВФ признал, что некоторые ранее сделанные расчеты темпов экономического роста оказались ошибочными. МВФ исходил из того, что последствия снижения расходов и повышения налогов для сокращения дефицита должны были быть гораздо меньшими, чем это оказалось на самом деле. Фискальные мультипликаторы не только не привели к оздоровлению экономики, но и обернулись обострением проблемы стагнации, а МВФ, продолжая выступать за упорядочение бюджета, теперь призывал правительства сокращать расходы постепенно, не нанося ущерба росту.

Международный валютный фонд с запозданием признал, что это были не обычные рецессия или восстановление и что ортодоксальная политика жесткой экономии, до этого времени поддерживаемая МВФ, может оказаться неудачной. Такое заявление перекликалось с доводами Пола Кругмана, Марка Блита и других критиков господствующей ортодоксии [Krugman, 2008; Skidelsky, 2009; Скидельски, 2011; Blyth, 2013]. Чтобы вернуться к процветанию, нужно было заниматься проблемой экономического роста, а не государственного долга. Чрезмерное внимание в отношении долга создавало риск попадания в ловушку дефляции. Но в большинстве случаев от этих предостережений попросту отмахнулись. Первоочередными по сравнению с остальными задачами стали меры, направленные на обеспечение строгой экономии и сокращение дефицита. Вместе с тем сторонники консервативной фискальной политики указывали на то, что жесткость мер экономии была только видимостью. Она была не избыточной, а недостаточной. Фискальные корректировки оказались недостаточно жесткими, а планирование, связанное с этими корректировками, отняло слишком много времени. Действия правительств не соответствовали их заявлениям. Консерваторы утверждали, что, если бы таким болезненным мерам, как банкротство и сокращение расходов и доходов, с самого начала уделялось больше внимания, то отскок в экономике случился бы намного раньше [Ryan, 2012].

В конце 2012 г. обе группы критиков имели основания заявить о своей правоте (что они и сделали). Было ясно, что мировая экономика все еще находится в плачевном состоянии, а ее восстановление, с которым было связано так много политических надежд, продвигается медленно и неуверенно; при этом казалось, что болезненные фискальные ограничения и меры строгой экономии будут продолжаться бесконечно. Министры финансов и финансовые корреспонденты утешали себя мыслью о том, что все рецессии рано или поздно заканчиваются. В прошлом экономика всегда восстанавливалась и выходила на более высокий уровень производства и процветания. В экономических прогнозах имелись и некоторые положительные моменты. Безработица в целом оказалась ниже ожидаемой, а темпы инфляции упали. Однако, как отмечалось в отчете МВФ, экономические перспективы оставались неясными, а уровень доверия — невысоким. Казалось, что это — кризис без конца. Финансовый крах 2008 г. не только вскрыл серьезные недостатки в работе финансовой системы, но и выявил глубинные проблемы, которые предстояло решить, прежде чем появится возможность обеспечить устойчивый экономический подъем и восстановить стабильность и рост экономики.

ЕСЛИ НЕОБХОДИМО ИЗМЕНИТЬ НЕЧТО СУЩЕСТВЕННОЕ

К 2013 г. ситуация оставалась неоднозначной. Одни признаки говорили о том, что ничего не изменилось — неolibеральный порядок сохранял свою устойчивость. Но были и другие признаки, свидетельствовавшие о существенном изменении в соотношении сил в мировой экономике между Востоком и Западом и наличии тревожных симптомов новой (дефляционной) стагфляции. Находившиеся в первом лагере с нарастающим оптимизмом указывали на то, что худшее уже позади и в западных экономиках вскоре вновь начнется здоровый рост. Если бы это было так, а рост был устойчивым, то можно было бы предположить, что долгосрочные последствия финансового краха 2008 г. будут не столь значительными, как ожидали многие.

Во втором лагере справедливо отмечали, что еще слишком рано говорить о чем-либо с уверенностью. Они не обращали внимания на краткий всплеск повышенного интереса со сто-

роны многих средств массовой информации, в равной степени преувеличивавших хорошие и плохие новости и забывавших о долгосрочных перспективах. Во время тектонических потрясений 1930-х и 1970-х годов наблюдались многие случаи проявлений относительного оптимизма и всплесков относительного пессимизма, периоды восстановления, сменявшиеся новыми потрясениями. Поэтому большинство политиков действовало осторожно, опасаясь, что предстоит длительный период адаптации, жесткой экономии, сокращения доли заемных сил и медленного роста. Уровень жизни большей части населения западных стран так и не удалось восстановить. Хотя правительства большинства стран ранее обещали покрыть задолженность и ликвидировать дефицит, медленный прогресс пяти лет, прошедших после финансового краха, частично обусловленный опасениями оказаться в дефляционной ловушке, вынудил их скорректировать свои прогнозы и ожидания и постараться убедить своих избирателей сделать то же самое. В западном мире приступили к формированию новой политики, сильно отличавшейся от оптимистичной политики периода экономического бума, — политики жесткой экономии, политики меньших расходов, — и она простиралась так далеко, что никто не в состоянии был обозреть ее во всей полноте.

Серьезные нарушения политической преемственности происходят чрезвычайно редко, чаще всего — в результате войн, революций или при крушении авторитарных режимов. Примером может служить распад Советского Союза или недавние события «арабской весны», хотя порой перемены оказываются не столь радикальными, как это представлялось в самом начале. Менее значительные нарушения политической преемственности могут происходить и в демократических обществах, чаще всего — в результате заметных изменений основ, определяющих политику; пример — новый курс правительства Тэтчер в Великобритании 1980-х годов [Gamble, 1994; Heffernan, 1999]. Способность демократических обществ к созданию политических проектов, направленных на обновление социальных институтов, представляет собой одну из важнейших характеристик этих обществ, и если такая способность атрофируется, стране может грозить упадок и в конечном счете распад. Один из вопросов, поставленных нынешним кризисом, — удалось ли демократическим обществам сохранить способность к самообновлению

и адекватному ответу на брошенные им вызовы [Posner, 2010; Schäfer, Streeck, 2013; Шефар, Штрик, 2015; Coggan, 2013].

Представляется сомнительным, что произошедшие до сих пор изменения заложили основу для фундаментальных перемен, но можно с большой долей уверенности утверждать, что такие перемены необходимы, если мы не хотим, чтобы западное процветание погрязло в бесконечном изнуряющем кризисе. Особенно важно, чтобы изменения произошли не просто в одной или нескольких странах, а в транснациональных формах управления. Кризис заставил признать ряд новых реалий, таких как все более важная роль растущих стран или превращение «Большой двадцатки» в главный форум, на котором обсуждаются проблемы мировой экономики. Все это делает дальнейшие изменения необходимыми. Чаще всего политики по-прежнему затрачивают массу усилий на латание прорех в существующих институтах в надежде на то, что силы, благодаря которым так часто удавалось добиться восстановления экономики в прошлом, помогут и на этот раз. Но если оставить без внимания глубокий структурный кризис неолиберализма, эти попытки не принесут результата.

В 1992 г. в предвыборной кампании Клинтона прозвучал девиз «Это же экономика, глупыш!», который использовался, чтобы подчеркнуть, что то, какими избиратели видят собственные экономические перспективы и экономические перспективы страны, тесно связано с тем, как они оценивают компетентность политиков и за кого они решат голосовать. Более сложные дилеммы государственной политики можно было бы выразить девизом «Это же политика, глупыш!». Неизменная способность политиков разочаровывать и избавлять от иллюзий, кажущееся разнообразие тупиковых и неразрешимых ситуаций, крушение надежд и идеалов прогресса делает понимание любой проблемы государственной политики критически важным для того, чтобы объяснить, почему рациональные и технократические подходы к решению социальных и экономических проблем нередко заканчиваются неудачей, почему правительства так часто отказываются от долгосрочных решений, почему зачастую бывает так трудно наладить сотрудничество. После столь масштабных событий, как финансовый крах 2008 г., нередко появляется соблазн попытаться объяснить, что именно произошло и что мешает восстановлению, с позиций экономики, психологии или

культуры. Но многие проблемы берут свое начало в политике. Если начинать с политики, будет проще объяснить, почему проблемы оказываются столь трудноразрешимыми, почему так сложно прийти к соглашению, почему восстановление откладывается на столь длительное время и создается впечатление, что мы движемся от одного кризиса к другому [Dunn, 1979; Caplan, 2009; Runciman, 2013].

Кажущийся бесконечным кризис и трудности выхода из него порождают фатализм, ощущение того, что мир оказался в тупике, из которого ни политики, ни правительства не в состоянии найти выход. Хотя существует множество проблем, с которыми политики ничего не могут поделать, вопросы организации экономики отдельных стран и мировой экономики в целом не относятся к их числу, поскольку многое в нашей политэкономии представляет собой политическую конструкцию, которая сознательно или случайно досталась нам от прошлого. Многим трудно понять, почему в принципе разрешимые проблемы до сих пор остаются нерешенными, и это порождает все более широко распространяющееся разочарование в политической жизни и желание отказаться от участия в ней. А это становится частью проблемы, делая ее еще более трудноразрешимой. Парадокс заключается в том, что проблемы возникают в результате проведения той или иной политики, но найти способ решения этих проблем вне политики невозможно [Stoker, 2006; Hay, 2007; Flinders, 2012].

Тупиковые и безвыходные ситуации знакомы нам по истории межгосударственных конфликтов и конфликтов внутри стран, они принимают разные привычные для политэкономии политические формы [Narlikar, 2010; Hale et al., 2013]. Говоря совсем просто, тупиковые и безвыходные ситуации тормозят перемены и блокируют осуществление реформ. Политика во многом как раз и нацелена на то, чтобы попытаться заблокировать или разблокировать движение в том или ином направлении, обеспечить жизнеспособность конкретных политических процессов и конкретных форм сотрудничества. Типичным примером тупиковой ситуации является случай, когда переговоры между двумя или более сторонами по тому или иному вопросу оказываются заблокированными, тогда как при безвыходном положении блокируется работа институтов, а иногда и целых режимов под воздействием внутренних культурных факторов и особен-

ностей принятия решений, либо в силу вето, наложенного одной из заинтересованных сторон, либо в силу действия обоих факторов. Политическая деятельность во многом направлена на преодоление застоя и инертности, неизбежно возникающих в любом обществе. Эти явления требуют политической активности, направленной на разрешение и преодоление конфликтов, которые часто оказываются неразрешимыми. Нередки случаи, когда кажется, что политика ведет не к упрощению, а к усложнению проблем. Однако политика может также обеспечить прорыв, привести к существенной перестройке действующих институтов и политической деятельности.

По мере нарастания кризиса стали меняться и сложившиеся взгляды на мир, умозаключения и ожидания. Начали подниматься все более глубокие вопросы, касающиеся экономической и политической жизнеспособности международного рыночного порядка, который так долго доминировал в мировой политике и экономике, в частности, вопрос о том, способен ли к самообновлению неолиберальный порядок в его новейшей версии. Чем сложнее ликвидировать препятствия на пути прогресса и восстановления экономики, тем в большей опасности оказывается сложная материя западного процветания и тем больше возникает страхов, что этому процветанию может наступить конец. Процветание построено на переплетении деятельности целого ряда различных институтов, на взаимном проникновении множества идей и интересов. Главным среди них является сохранение определенного вида либерального капитализма. Существовали и другие модели капитализма, некоторые из них — весьма успешные [Coates, 2000; Clift, 2014], но самой успешной и устойчивой оказалась модель, впервые появившаяся в Британии и получившая дальнейшее развитие в США. Эта англо-американская модель имела множество вариантов и противоречий, но ее наиболее важным достижением является становление либерального международного рыночного порядка, включающего либеральную форму демократии, либеральную форму экономики и ряд международных правил [Gamble, 2003, ch. 5]. Именно успешное переплетение этих трех нитей обеспечило процветание Запада, стабильность и устойчивость ведущих западных государств. Перспективы развития во всех трех направлениях сегодня омрачены, а средства адаптации и восстановления устойчивости этой модели пока не до конца определены. В про-

шлом она переживала и более суровые кризисы, возможно, ей удастся пережить и этот кризис, но теперь ей предстоит жесткое испытание в незнакомых обстоятельствах и решение новых дилемм. Создание новой ткани процветания Запада зависит от решения трех головоломок, грозящих структурным кризисом основ неолиберального порядка. Что это за головоломки и как в них отразились вечные дилеммы, существующие в самом сердце международных рыночных порядков, будет рассмотрено в следующей главе.

Научное издание
Серия «Экономическая теория»

ЭНДРЮ ГЭМБЛ

КРИЗИС БЕЗ КОНЦА?

КРАХ ЗАПАДНОГО ПРОЦВЕТЕНИЯ

Главный редактор
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Заведующая книжной редакцией
ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА

Редактор
ЕЛЕНА ПАХОМОВА

Художник
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Компьютерная верстка
ОЛЬГА БЫСТРОВА

Корректор
ЕЛЕНА АНДРЕЕВА

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

Тел.: (495) 772-95-90 доб. 15285

Подписано в печать 11.12.2017. Формат 60×90/16. Гарнитура Minion Pro
Усл. печ. л. 19,0. Уч.-изд. л. 16,2. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Изд. № 2066. Заказ №

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13
Тел.: (8352) 56-00-23